

АЛЕКСАНДРОВ В. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

АЛЕКСАНДРОВ Василий Александрович. До 1904 — работал на Сормовском заводе в Нижнем Новгороде, занимался подпольной работой, в 1904 — арестован и выслан в Казань. В 1905 — активный участник революции, в 1906 — основатель профсоюза служащих, в 1909 — обществ потребителей "Трудовой Союз". В 1912 — арестован и выслан на 2 года в Вельск, затем переведен в Яранск. В 1913 — досрочно освобожден, вернулся в Нижний Новгород, работал на фабрике. В 1924 — переехал в Казань, работал в Госторге, контролером в Госбанке и в Татторге. 12 ноября 1930 — арестован и заключен в тюрьму.

В марте 1930 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<13 марта 1930>

«Казань, 13 марта 1930 г<ода>

Многоуважаемая тов<арищ> Пешкова!

Простите, что я забыл Ваше имя и отчество, будучи, хотя немного, знаком с Вами лично. Я Нижегородец — и до 1904 г<ода> сотрудничал в Нижегородском Листке, вращаясь в кругу: Евс<ея> Марк<овича> Ещина, как издателя, Дробышевского, как редактора, Евг<ения> Ник<олаевича> Чирикова, Ниф<онта> Ив<ановича> Долгополова, Ал. Ал. Белозерова и, конечно, Ал<ексея> Максимовича (Горького) и др<угих>. Вы помните, конечно, открытие концертом Ф. И. Шаляпина Народного Дома, в котором затем организовался интеллигентский драматический кружок, в коем я принимал участие, и в связи с этим бывал у Вас в квартире, когда Вы жили в доме Ливен на углу Ковалихи и Мартыновской ул<ицы>. Я также бывал у Вас в ссылке, в Арзамасе, вместе с Я. М. Свердловым, ставшим впоследствии Председателем ВЦИК. В настоящее время я обращаюсь к Вам, как к Председательнице Бюро помощи политзаключенным. На днях мною было послано Вам открытое письмо с просьбой сообщить о том, в каком положении находится мое дело в Коллегии ГПУ с обвинением меня по ст<атьям> 58 п<ункты> 10 и 13, и в особенности о том, получено ли в Москве мое второе письменное показание по новым обвинениям, о которых я узнал не на допросах, а при подписании Постановления, в каковом, в силу неожиданности, я написал лишь, что ни в чем виновным себя не признаю, а мотивированное объяснение я изложил позднее в названном втором письменном показании, и оно для исхода дела крайне важно.

Я буду по возможности краток и ограничусь характеристикой себя. До 1904 г<ода> я служил на Сормовском заводе, где начал работать в подполье и одновременно участвовал в рабочем драматическом кружке, а также сотрудничал в "Ниж<егородском> Листке". Как соинициатор дела по разоблачению убийства полицией рабочего Флорищева и устроенной в связи с этим грандиозной демонстрации, я был арестован, и мне угрожало продолжительное заключение, но по манифесту по случаю рождения Наследника дело было прекращено, и я был выслан в Казань. Здесь я принимал активное участие в первой революции, а в 1906 г<оду> я основал первое профессиональное общество служащих в правительственных и общественных учреждениях и все время был в нем Председателем. В 1909 г<оду> мною было основано общество потребителей "Трудовой Союз" по типу Петербургского, основанного В. А. Поссе. В 1912 г<оду> за выборы в 4-ю Госуд<арственную> Думу наш кружок был арестован, и я был выслан сначала в Вельск, а затем в Яренск на два года, но через год, по манифесту по случаю 300-летия Дома

Романовых, я вернулся в Н<ижний> Новгород, где Е. М. Ещин устроил меня через Городского Голову А. М. Морского на Монитовскую фабрику.

В Н<ижнем> Новгороде я прожил до 1924 г<ода> и, лишившись к этому времени своих родителей, я переехал на родину жены обратно в Казань. Здесь я служил в Госторге, затем в Госбанке (контролером) и, наконец, в Татторге, где трудился наравне с другими и, кроме того, принимал посильное участие в общественной работе. Постановление ГПУ стремится опорочить меня как в прошлом, так и в настоящем, но я политически безупречен, иначе Союз Совторгслужащих на вечере в честь 20-тилетия первой революции в 1925 году не чествовал бы меня в числе немногих, как ветерана-подпольщика и как пионера профдвижения, причем, юбилейная группа Татпрофсовета помещена в журнале "Казанский пролетарий", экземпляр коего приложен к моему делу. Однако, 12 ноября п<рошлого> г<ода> я был неожиданно арестован, будучи вызван повесткой, и мне сначала предъявлено обвинение в посещении с американцами-студентами б<ывшего> Казанского монастыря и в попытке восстановления Казанской Духовной Академии. По поводу этого я дал исчерпывающее письменное показание, причем, указал, что ни английского, ни иных иностранных языков я не знаю, а объяснять смог лишь отдельными словами по рус<ско>-англ<ийскому> словарю, бывшему у американцев, с которыми я пробыл в монастыре 15-20 минут, считая, что я им, бывшим без проводника и без переводчика, оказал лишь любезность, как гостям н<ашего> города. Интересуясь же последствиями Декрета отделения церкви от государства и, в частности, состоянием духовного образования в стране я мог в отношении обновленчества узнать об этом из "Вестника Синода", а в отношении староцерковничества пришлось обратиться к Ленинградским Богословским Курсам. Никаких практических результатов от этой переписки не предвиделось и не оказалось, и это не противоречило Декрету и, стало быть, ничего даже предосудительного в себе не заключало.

Но вот 26-го декабря в постановлении мне предъявляются новые обвинения: будто я кроме б<ывшего> Казанского монастыря водил американцев по всем закрытым церквям и агитировал. Этого не было, и если бы кто решился удостоверить это, я мог бы доказать, что это лжесвидетели. Затем в 1905 г<оду> я будто бы состоял членом Союза Русского Народа. Я не только не имел их билета и не числюсь в списках, но даже не был сочувствующим, а наоборот едва не был убит черносотенцами в 1905 г<оду> во дворе Земской Больницы (см<отреть> мое дело). Позднее я будто бы состоял секретным агентом у жандармов и провалил с<оциал>-д<емократическую> организацию на какой-то ж<елезно>-д<орожной> станции. Никогда в жизни ни на какой ж<елезно>-д<орожной> станции я не жил и не отлучался из Казани, где служба моя шла непрерывно. Стало быть, или дело касается моего однофамильца, или следователь введен кем-то в заблуждение, или это вымысел. Наконец, я будто бы вел совместно с духовенством антисоветскую пропаганду, что также голословно. Вообще на следствии мне не было предъявлено ни одного документа и ни одного свидетеля, с которым бы я мог потребовать очную ставку. И вот в результате я страдаю 4 месяца в заключении, не имею ни заработка, ни пособия, жена голодает и также страдает, и я даже, может быть, буду наказан.

Я заявляю Вам, как старый и честный революционер, что преступления я не совершил и ни в чем не виноват. Во избежание же печальных результатов я прошу Вас принять в моей участи посильное участие и, раньше всего, если при деле нет моего второго письменного объяснения, то потребовать его от Казанского ГПУ. Я надеюсь, что в конце концов буду освобожден, ибо я считаю, что я живу в культурной стране.

Прошу результат сообщить мне, а также, сколько дней было в пути это письмо. Если письмо придет после приговора, то примите меры к изменению его в мою пользу.

Адрес мой: Казань, Пересыльный Домзак, изолятор, Камера № 14, Василию Александровичу Александрову.

Если потребуется, я могу выслать Вам дополнительные сведения.

В ожидании Вашего благоприятного ответа остаюсь с товарищеским приветом.

В. Александров.

P. S. Я не лишенец и ранее не судим.

В. Александров»¹.

На письме — помета сотрудника ПКК:

«Возвращая Ваше письмо обратно, предлагаю написать заявление, а не такое письмо, как настоящее. АД».

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1 Д. 477. С. 213-218. Автограф.